

О ВИКТОРЕ ЮЗЕФОВИЧЕ ДРАГУНСКОМ

Виктор Драгунский родился очень давно и очень далеко, в другой части света. Детство его прошло в Гомеле, небольшом зеленом городе, что находится в Белоруссии. Он рано лишился отца, но не чувствовал себя сиротой, потому что его отчим, красный командир, любил его. Он часто сажал мальчика на своего коня и давал подержать саблю. В конце гражданской войны отчим погиб. Мама Виктора работала, и поэтому он проводил время в компании таких же сорванцов, как и он сам. Играли они в своих небольших дворах, бегали купаться на реку Сож...

Виктор всегда был заводилой во всех играх. По вечерам друзья пробирались в парк князя Паскевича (конечно, без билетов). Там шли представления: артисты пели куплеты, танцевали тогда модный танец стэп, а попросту — чечетку. Виктор выучивал куплеты, научился танцевать чечетку и устраивал свои представления, на которые собиралась вся улица. Тогда уже начали проявляться его актерские способности.

Виктор Драгунский прожил интересную и разнообразную жизнь. В юности он учился на токаря, потом работал шорником на фаб-

рике «Спорт-туризм» у братьев Старостиных, ставших впоследствии знаменитыми на весь мир футболистами. При фабрике был манеж, и можно было обучаться конному спорту, а лошадей он любил с самого детства. В семнадцать лет Виктор выдержал экзамен в актерскую школу, которая называлась «Литературно-театральные мастерские», под руководством замечательного актера и режиссера Алексея Дикого. В этой школе большое внимание уделяли не только преподаванию актерского мастерства, но и глубокому изучению литературы. Окончив школу, Виктор Драгунский стал хорошим театральным актером. После смотра молодых талантов московских театров он был приглашен в Театр сатиры.

Во время войны Драгунский был в ополчении, после ее окончания он продолжил работу в Театре сатиры. А потом, к удивлению всех друзей, ушел в цирк — работать Рыжим клоуном. Позже он создал маленький театр под названием «Синяя птичка». Это был театр пародий, в которых актеры высмеивали всякую халтуру в искусстве — будь то театр, кино, литература, живопись, музыка... Играли там артисты увлеченно, и публика восторженно принимала все спектакли. Но театр вскоре закрыли, так как в те

мрачные времена не над всем разрешалось смеяться. Драгунский выступал также и на московской эстраде. В зимние каникулы он любил «работать» Дедом Морозом.

Виктор Драгунский был добрым, веселым и остроумным человеком, он очень любил маленьких детей, и общение с ними доставляло ему огромное удовольствие. Только в сорок лет он начал писать. И это были рассказы для детей. Героем его произведений стал младший сын Дениска. Вскоре начали выходить книжки с рассказами о его приключениях. (Были написаны и рассказы, посвященные дочери Ксении. — *Прим. ред.*) Они пользовались большим успехом у нашей детворы. Виктор Драгунский часто выступал по радио со своими рассказами, нередко бывал в гостях в детских домах, интернатах, школах, библиотеках. Он замечательно читал свои веселые произведения — ведь в недалеком прошлом он был актером.

Драгунский часто получал письма от юных читателей и всегда старался ответить на них. Каждое свое послание он заканчивал девизом: «ДРУЖБА! ВЕРНОСТЬ! ЧЕСТЬ!»

Виктора Драгунского нет с нами уже много лет, но книжки его продолжают выходить. Уже не одно поколение прочитало «Денискины рассказы», и еще не одно познако-

мится с ними. Поэт Яков Аким, близкий друг Виктора, однажды сказал: «Юному человеку нужны все витамины, в том числе все нравственные витамины. Витамины доброты, благородства, честности, порядочности, мужества. Все эти витамины дарил нашим детям щедро и талантливо Виктор Драгунский».

Алла Драгунская

ПРО ПАПУ МОЕГО

Когда я была маленькая, у меня был папа. Виктор Драгунский. Знаменитый детский писатель. Только мне никто не верил, что он мой папа. А я кричала: «Это мой папа, папа, папа!!!» И начинала драться. Все думали, что он мой дедушка. Потому что он был уже совсем не очень молодой. Я — поздний ребенок. Младшая. У меня есть два старших брата — Леня и Денис. Они умные, ученые и довольно лысые. Зато всяких историй про папу знают гораздо больше, чем я. Но раз уж не они стали детскими писателями, а я, то написать чего-нибудь про папу обычно просят меня.

Мой папа родился давным-давно. В 2013 году, первого декабря, ему исполнилось бы

сто лет. И не где-нибудь там он родился, а в Нью-Йорке. Это вот как вышло — его мама и папа были очень молодые, поженились и уехали из белорусского города Гомеля в Америку, за счастьем и богатством. Про счастье — не знаю, но с богатством у них совсем не сложилось. Питались они исключительно бананами, а в доме, где они жили, бегали здоровенные крысы. И они вернулись обратно в Гомель, а через некоторое время переселились в Москву, на Покровку.

Там мой папа плохо учился в школе, зато любил читать книжки. Потом он работал на заводе, учился на актера и работал в Театре сатиры, а еще — клоуном в цирке и носил рыжий парик. Наверное, поэтому у меня волосы — рыжие. И в детстве я тоже хотела стать клоуном.

Дорогие читатели!!! Меня часто спрашивают, как поживает мой папа, и просят, чтобы я его попросила еще что-нибудь написать — побольше и посмешней. Не хочется вас огорчать, но папа мой давно умер, когда мне было всего шесть лет, то есть, тридцать с лишним лет назад, получается. Поэтому я помню совсем мало случаев про него.

Один случай такой. Папа мой очень любил собак. Он все время мечтал завести собаку, только мама ему не разрешала, но на-

конец, когда мне было лет пять с половиной, в нашем доме появился щенок спаниеля по имени Тото. Такой чудесный. Ушастый, пятнистый и с толстыми лапами. Его надо было кормить шесть раз в день, как грудного ребенка, отчего мама немножко злилась... И вот однажды мы с папой приходим откуда-то или просто сидим дома одни, и есть что-то хочется. Идем мы на кухню и находим кастрюльку с манной кашей, да с такой вкусной, (я вообще терпеть не могу манную кашу), что тут же ее съедаем. А потом выясняется, что это Тотошина каша, которую мама специально заранее сварила, чтобы ему смешать с какими-то витаминами, как положено щенкам. Мама обиделась, конечно. Безобразие — детский писатель, взрослый человек, и съел щенячью кашу.

Говорят, что в молодости мой папа был ужасно веселый, все время что-нибудь придумывал, вокруг него всегда были самые клевые и остроумные люди Москвы, и дома у нас всегда было шумно, весело, хохот, праздник, застолье и сплошные знаменитости. Этого я, к сожалению, уже не помню — когда я родилась и немножко подросла, папа сильно болел гипертонией, высоким давлением, и в доме нельзя было шуметь. Мои подруги, которые теперь уже сов-

сем взрослые тетеньки, до сих пор помнят, что у меня надо было ходить на цыпочках, чтобы не беспокоить моего папу. Даже меня к нему как-то не очень пускали, чтобы я его не тревожила. Но я все равно проникала к нему, и мы играли — я была лягушонком, а папа — уважаемым и добрым львом.

Еще мы с папой ходили есть бублики на улицу Чехова, там была такая булочная, с бубликами и молочным коктейлем. Еще мы были в цирке на Цветном бульваре, сидели совсем близко, и когда клоун Юрий Никулин увидел моего папу (а они вместе работали в цирке перед войной), он очень обрадовался, взял у шпрыхштальмейстера микрофон и специально для нас спел «Песню про зайцев».

Еще мой папа собирал колокольчики, у нас дома целая коллекция, и теперь я продолжаю ее пополнять.

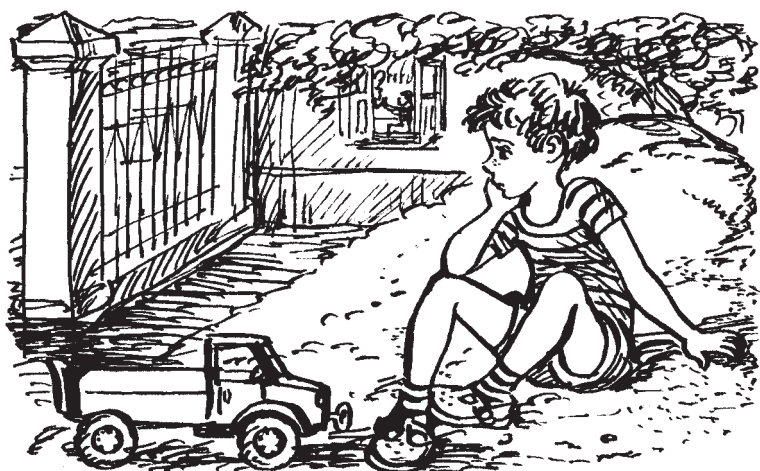
Если читаешь «Денискины рассказы» внимательно, то понимаешь, какие они грустные. Не все, конечно, но некоторые — просто очень. Я не буду сейчас называть, какие. Вы сами перечитайте и почувствуйте. А потом — сверим. Вот некоторые удивляются, мол, как же это удалось взрослому человеку проникнуть в душу ребенка, говорить от его лица, прямо как будто самим ребенком и рассказано?.. А очень просто — папа так всю

жизнь и оставался маленьким мальчиком. Точно! Человек вообще не успевает повзрослеть — жизнь слишком короткая. Человек успевает только научиться есть, не пачкаться, ходить, не падая, что-то там делать, курить, врать, стрелять из автомата, или наоборот — лечить, учить... Все люди — дети. Ну, в крайнем случае — почти все. Только они об этом не знают.

Помню про папу я, конечно, не много. Зато умею сочинять всякие истории — смешные, странные и грустные. Это у меня от него. А мой сын Тема очень похож на моего папу. Ну, вылитый! В доме в Каретном Ряду, где мы живем в Москве, живут пожилые эстрадные артисты, которые помнят моего папу молодым. И они Тему так и называют — «Драгунское отродье». И мы вместе с Темой любим собак. У нас на даче полно собак, а те, которые не наши, просто так приходят к нам пообедать. Однажды пришла какая-то полосатая собака, мы ее угостили тортом, и ей так понравилось, что она ела и от радости гавкала с набитым ртом.

Вот...

Ксения Драгунская

«ОН ЖИВОЙ И СВЕТИТСЯ...»

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с булками и брынзой, а моей мамы все еще не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались темные облака —

они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы все не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждет меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял ее сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

— Здорóво!

И я сказал:

— Здорóво!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

— Ого! — сказал Мишка. — Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Ее можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

— Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало еще темнее.